

A man and a woman are shown in a close, intimate embrace. The woman, with wavy brown hair, is wearing a dark red coat and looking off to the side with a serious expression. The man, with short dark hair and a light beard, is wearing a dark grey coat over a light blue shirt and looking down at her. They are standing in front of a window with raindrops, with a blurred city street at night in the background, featuring warm streetlights and building silhouettes.

В.К.Косс

ДОРОГОЙ,
Я НАШЛА
ТВОИХ БАНДИТОВ

18+

В.К. Косс

Дорогой, я нашла твоих бандитов

«Автор»

2026

Косс В.

Дорогой, я нашла твоих бандитов / В. Косс — «Автор», 2026

Восемь миллионов за трое суток. Чтобы вернуть похищенного мужа, Вера готова продать мастерскую, доставшуюся от отца. Она собирает деньги, не спит ночами и выходит на человека, чьим именем подписаны угрозы. Артем Воронцов смотрит на фотографию и говорит: «Мы вашего мужа не похищали». Вера пока не знает, кому верить. Мужу, которого ищет, или опасному мужчине, который согласился помочь. За каждым ответом обнаруживается новая ложь, а рядом с Воронцовым ей все труднее думать только о поисках.

© Косс В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	16
Глава 6	18
Глава 7	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

В.К. Косс

Дорогой, я нашла твоих бандитов

Глава 1

В тот вечер я собиралась сказать мужу, что больше не буду давать ему денег.

Суп стоял на плите, остывший, с рыжим ободком на стенке кастрюли. Я перестала его подогревать после девяти. В половине десятого убрала в холодильник, а в десять снова достала, потому что Илья не ел горячего со вчерашнего дня и у него болел желудок.

Разговор я приготовила заранее. Даже проговорила несколько раз, пока ехала из мастерской: «Мне нужно выплатить зарплату. Эти деньги я не трогаю». Звучало разумно, почти строго. При Илье я, наверное, добавила бы «понимаешь» и все испортила.

Он попросил шестьсот тысяч во вторник. Ненадолго, до ближайшего платежа от заказчика. В сентябре было двести. В августе — сто восемьдесят. Августовские вернулись половиной, и я обрадовалась так, будто получила подарок.

Во вторник мы как раз привезли продукты. Илья поставил тяжелые пакеты на пол, потер ладони. Я разбирала покупки, а он рассказывал про застрявший платеж. Постепенно слова про чужую нерасторопность превратились в просьбу.

— У меня на зарплату, — сказала я.

— Верунь, я же не навсегда забираю.

— Скоро зарплату платить.

— Знаю календарь. Завтра узнаю точную дату прихода денег, тогда и поговорим.

Он поцеловал меня в затылок. Я держала пакет с яблоками, из которого одно выкатилось под шкаф. Полезла доставать, а Илья остался стоять, ожидая ответа. Это раздражало сильнее просьбы.

— Ты в августе тоже дату знал.

Он вздохнул, присел рядом, подвинул шкаф на несколько сантиметров. Я вытащила яблоко.

— Я понимаю, что тебе неприятно, — сказал он. — Мне тоже неприятно просить жену. Но у нас ведь семья?

Я промолчала. В холодильнике лежало мясо, которое он выбрал, на полке стоял его любимый чай. Ничто не выглядело семейным бедствием. Человек рядом со мной умел превратить обыкновенный вечер в проверку того, насколько мы близки, и я снова не знала, как отказать, не начав оправдываться.

В десять двенадцать я отправила: «Ты где?»

Сообщение осталось с одной серой галочкой.

Я вытерла стол. Возле его места темнело кольцо от кружки. Стол был дешевый, шпон давно протерся, и все-таки я каждый раз подкладывала под Ильину чашку пробковую подставку. Он убирал ее, чтобы поставить локоть. В мастерской я умела сохранить дерево, которому было двести лет. Дома не могла уберечь столешницу.

В половине одиннадцатого позвонила.

Телефон недоступен.

— Ну возьми у кого-нибудь, — сказала я пустой кухне. — Трудно, что ли.

Утром он поцеловал меня в висок, когда я возилась с застежкой серьги. От него пахло зубной пастой и моим кофе.

— Дай сюда, — сказал он. — Ты опять мочку порвешь.

Отвел мои волосы, попросил не двигаться. Я смотрела на нас в зеркало: его склоненная голова, моя шея в вырезе блузки. Он что-то делал у меня за ухом, дышал тепло. Такие минуты всегда примиряли меня с остальным.

— Готово. Красивая.

Я улыбнулась.

— К восьми будешь? Нам поговорить нужно.

— Буду. Помню, Верунь.

— Только правда, Илья.

Он уже шел к двери, на ходу проверяя карманы.

— Ужасная женщина. Человек же сказал.

Он обернулся, подмигнул. Я показала ему язык. Если бы кто-нибудь спросил меня в ту минуту, хорошо ли мы живем, я ответила бы: по-разному, но в общем хорошо.

Злиться до конца у меня никогда не получалось. Семь лет назад, в первой нашей квартире, он сделал мне предложение над тазом с мокрым бельем. Кольцо было в прищепке. Я засмеялась, он тоже, и уронил его в воду. Мы искали на ощупь, стоя на коленях. Вспоминая это, я всякий раз чувствовала пальцами холодную ткань его рубашки.

В одиннадцать я набрала Дениса, Ильиноного приятеля.

— Со мной его нет, — ответил тот. На заднем плане работал телевизор. — Может, с работы не выехал?

— У них до семи офис.

— Тогда не знаю. Ты не заводишь раньше времени.

Я извинилась за поздний звонок. Потом разозлилась на себя за извинение и позвонила в приемное отделение первой больницы.

У меня спросили фамилию, возраст, приметы. На слове «приметы» я растерялась. Правильно ли говорить, что он щурит левый глаз, когда врет о подарке? Что у него шрам под подбородком и одно плечо чуть выше другого? Я сказала про куртку. Темно-синюю, на молнии.

Такого не привозили.

Во второй больнице тоже. В третьей велели звонить утром.

Нина взяла трубку сразу.

— Вер, у меня смена. Что случилось?

Я услышала ее голос и вдруг больше не смогла держать телефон одной рукой.

— Илья домой не пришел.

Она задала те же вопросы, что я задавала себе. Не ссорились ли? Не выпил ли? Есть ли кто-нибудь, кому он мог не сказать про меня?

— Мы не ссорились. То есть собирались, но еще нет.

— Понятно. Побудь на линии.

Она выясняла что-то у коллег, прикрыв микрофон ладонью. Я слушала далекий стук колес каталки. На кухне гудел холодильник. Возле хлебницы лежали два бутерброда, завернутые в пергамент: Илья оставил их утром. Я еще обиделась. Пять минут потратила, чтобы сыр тонко нарезать, а он забыл.

— По нашим больницам его нет, — сказала Нина. — Одевайся. Я попрошу старшую отпустить меня на час, съездим подадим заявление.

— Может, он сейчас придет.

— Может. И прекрасно.

Я пошла за джинсами. Натянула одну штанину, потом долго не могла найти вторую. Сидела на кровати, держа в руках перекрученную ткань, когда телефон коротко завибрировал.

Незнакомый номер. Фотография загрузилась не сразу: сначала серый прямоугольник, потом лицо.

Илья сидел на низком стуле. На нем была утренняя рубашка. Запястья соединены перед собой белой полосой. Голова опущена, у губы темный след. Я увеличила снимок двумя пальцами, приблизила его глаз, кусок щеки, висок. Никак не могла собрать лицо обратно.

Следом пришел текст.

«Восемь миллионов. Трое суток. Полицию подключишь — заберешь по частям».

Я прочитала последнее слово и перестала понимать, где нахожусь. Пальцы на ноге свело внутри наполовину надетых джинсов. Я встала, ударилась коленом о тумбочку, села обратно.

Набрала номер. Сбросили.

«Дайте поговорить с ним».

Ответ пришел через минуту:

«Начни собирать».

Я написала: «Пожалуйста».

Посмотрела на это слово. Стереть его уже было нельзя.

Когда Нина позвонила в дверь, я сидела в прихожей полностью одетая. Сумку держала на коленях. Суп так и стоял на плите.

— Только не говори, что все будет хорошо, — попросила я.

Она присела передо мной, взяла телефон, прочитала. Потом подняла голову.

— Я останусь с тобой.

И я наконец разжала руки.

Глава 2

В отделе пахло мокрой одеждой и разогретой капустой. За перегородкой кто-то смеялся. Я ненавидела этого человека за смех и одновременно хотела, чтобы он не замолкал: пока где-то смеялись, происходящее еще можно было счесть ошибкой.

Дежурный посмотрел фотографию и перестал заполнять бланк.

До утра я повторила историю четыре раза. Нина сидела рядом. Ее рабочие брюки были в мелких пятнах, под курткой виднелся край медицинской рубашки. В какой-то момент ей позвонили. Она вышла, вернулась и сказала, что смену закроют без нее.

— Тебя уволят.

— Тебе сейчас больше нечем заняться?

Я замолчала.

Ольга Сергеевна Круглова приехала к пяти. Женщина лет сорока пяти, с красными от недосыпа глазами. Попросила меня пройти в кабинет, поставила на стол воду в пластиковом стаканчике.

— Вы правильно сделали, что пришли.

— А если они узнают?

— Будем учитывать угрозу. Расскажите про деньги мужа.

Я заговорила про задержки платежей, партнеров, деньги, которые вот-вот должны прийти. Слова звучали вполне убедительно. Почти все были Ильины.

— Вы видели договоры? — спросила она.

— Нет. У нас у каждого своя работа.

— Долги перед физическими лицами?

— Он не говорил.

В записи это превратилось в «неизвестно». Все, на что я могла ответить, помещалось в несколько строк: дата рождения, номер машины, место работы. На вопросы о человеке, с которым спала семь лет, отвечать было труднее.

— С кем он в последнее время общался?

— С Денисом Серовым. Они давно знакомы.

— Телефон есть?

Я продиктовала. Круглова спросила про имущество, мои счета, родственников. Мне хотелось сказать, что это неприлично. Вместо этого я открыла банковское приложение.

На расчетном счете мастерской было четыреста семьдесят две тысячи. Из них триста десять принадлежали ближайшей зарплате и оплате материалов. На личном — восемьдесят шесть.

Восемь миллионов я видела в жизни только на документах о наследстве.

— Выкуп самостоятельно не передавайте, — сказала Круглова. — Любой новый контакт сразу мне. И не торопитесь продавать имущество по первому предложению.

— Вы думаете, у меня очередь?

Она не обиделась.

— Я думаю, вы очень напуганы. Этим могут воспользоваться.

Дома Нина легла на диван, не раздеваясь. Я укрыла ее Ильиным пледом и пошла звонить.

Сначала тете в Калугу. Та сразу предложила сто тысяч и заплакала. Я сказала, что пока не надо переводить. Потом бывшей заказчице, которая год назад уверяла: «Верочка, вы мне как родная». Та долго объясняла, что все в активах.

Один человек предложил занять под проценты. Другой спросил, не страховали ли мы жизнь Ильи. Я не сразу поняла вопрос и пообещала посмотреть документы. Только положив трубку, осознала, что он имел в виду.

Тете я перезвонила сама. Она жила с маленькой собакой и после операции плохо ходила, но уже собралась ехать в банк.

— Не надо никуда ехать, — сказала я.

— У меня в приложении только двадцать могу. А остальное на книжке.

— Не снимай остальное.

— Верочка, я все равно никуда не трачу. Продукты есть, лекарства куплены.

От этих слов стало хуже, чем от отказа богатой заказчицы. Я представила ее коридор, тяжелые ботинки возле двери, автобусную остановку в трехстах метрах, до которой она добиралась с передышкой.

— Мне сейчас нужно не сто тысяч. Гораздо больше. Если ты останешься без денег, это ничего не изменит.

Она заплакала, и я сразу начала утешать. Сказала, что уже нашелся покупатель, хотя это еще не было правдой. Пообещала звонить. Выслушала, как она ищет очки, чтобы записать номер Нины.

После разговора сидела на кухне с включенным краном. Не мыла руки, просто слушала воду. Нина поднялась с дивана, подошла и закрыла кран. Я машинально извинилась за шум.

— Можно шуметь, — сказала она. — Можно вообще не извиняться минут пятнадцать. Давай попробуем?

Она открыла холодильник, нашла суп. Я хотела предупредить, что он Ильин, и не произнесла этого только потому, что услышала бы себя со стороны.

Сева написал из мастерской: «Вы сегодня будете? Привезли орех».

Я набрала: «Семейные обстоятельства. Разгрузите без меня».

Потом перевела ему деньги за грузчиков. Почему-то именно эта обычная операция далась с трудом. Мир требовал от меня три тысячи двести, пока я искала восемь миллионов, и не соглашался подождать.

В десять позвонил Денис.

— Есть новости?

Я рассказала про выкуп. Он выругался, несколько секунд молчал.

— Слушай, у меня тут человек ищет помещение. Я ему ваше еще весной показывал с улицы. Ты же сама говорила, что отопление дорогое.

— Я не продавала.

— Тогда не продавала. Вер, сейчас жизнь важнее. Конечно, за день рыночную цену не дадут, но он готов заплатить сразу.

Я села за кухонный стол. Кольцо от кружки было напротив.

Мастерскую отец купил, когда мне исполнилось шестнадцать. Потом мы пять лет выплачивали кредит, жили на картошке и жареной мойве, и отец говорил, что вытяжка на кухне отмоется, зато никто не выгонит нас из собственного помещения.

— Сколько? — спросила я.

— Я попытаюсь восемь выжать.

Ту самую сумму.

Я отметила это, но не испугалась совпадения. У меня впервые с начала этой ночи появился план.

— Узнай, — сказала я. — Только ничего не обещай.

Из гостиной вышла Нина. По ее лицу я поняла, что она слышала.

— Ты с отцом посоветуйся, — сказала она тихо.

— Он умер, Нин.

— Я помню.

Я отвернулась к окну. Внизу женщина несла ребенка в детский сад. Мальчик не хотел идти и волочил по асфальту желтый сапог. Я смотрела на него и думала: если не продам, а Илью убьют, я всю жизнь буду знать цену каждой доски в мастерской.

Глава 3

В мастерской первым делом я включила свет над верстаком. Лампа мигнула, загудела, разгорелась. Этот звук я знала с детства.

Лида вышла из покрасочной, сняв очки на лоб.

— Ты какого цвета, Верочка?

— Не спала.

Она посмотрела на меня внимательнее, потом без вопросов поставила чайник.

Я проверила запоры на окнах, накладную на орех, пачку квитанций у кассы. На столе стояла начатая работа: обеденный стол конца девятнадцатого века, с грубо выведенным на столешнице кругом. Заказчик попробовал снять пятно сам и протер покрытие до древесины. Я обещала исправить след к юбилею его матери.

У рабочего места отца лежали очки, которыми теперь пользовалась Лида: ей подходили для мелкой отделки. Она долго не решалась взять их и однажды спросила. Я тогда чуть не разозлилась. Отец сам сердился, когда хорошая вещь валялась без дела.

Его верстак я передала Севе. Сначала тот старательно подкладывал бумагу под каждую каплю клея, потом я велела прекратить. Верстак нужен для работы. Теперь на нем было несколько новых зарубок, тонкий след карандаша и большой полукруг, прожженный каким-то Севиным приспособлением. Отец наверняка выругался бы, потом захотел посмотреть приспособление.

В эти восемь миллионов укладывалось все: очки, зарубки, верхний свет, под которым отец научил меня ставить резец. И помещение, за которое каждый месяц приходили вполне реальные счета.

Я не хотела превращать мастерскую в памятник. Иногда мечтала переехать в место посветлее, с нормальным туалетом и парковкой. Но выбрать это самой было совсем не то, что освободить стены до понедельника ради чужого срока.

Лида принесла чай и спросила, нужно ли позвонить поставщикам, предупредить о задержке.

— Пока нет.

— А новые заказы брать?

Я взяла кружку. Простейший вопрос требовал решения, которого у меня не было.

— Короткие берем. Длинные — запиши контакты, скажи, перезвоним.

Лида кивнула. Она поняла, что я уже мысленно меряю нашу жизнь по оставшимся дням.

Пальцем провела по краю повреждения. Здесь предстояло работать несколько дней, подбирать оттенок, наносить тонкие слои. На собственной кухне я просто накрывала пятно салфеткой.

Андрей Корнеев приехал к полудню.

Денис привез его на серой машине. Покупатель оказался моложе, чем я ожидала. В дорожной безрукавке, с коротко подстриженными ногтями. Он осмотрел потолок, электрощит, задний двор. К мебели почти не подходил.

— Потолки хорошие. Въезд есть. Земля оформлена?

— Да.

— Один собственник?

— Я.

— Муж согласен?

Я не смогла ответить сразу. Денис кашлянул.

— У Веры наследство. Мы же обсуждали.

Корнеев кивнул, достал телефон, сделал несколько снимков.

— Восемь, — сказал он. — И оформление за ваш счет.

— В объявлениях такие помещения по двенадцать.

— Тогдаставляйте за двенадцать.

Он говорил без злости. Наверное, поэтому мне было особенно трудно его ненавидеть. В его жизни это был осмотр недвижимости. В моей — человек выбирал, сколько заплатить за возможность вернуть мужа.

— Нужно время, — сказала я.

— До понедельника могу подождать. Потом другой объект смотрю.

Денис отвел меня к окну.

— Я его и так дождал. У тебя документов копии есть? Подготовим хотя бы проект.

— Сначала юрист посмотрит.

Он заметно напрягся, но тут же кивнул.

— Конечно. Только в выходные попробуй еще найди кого-нибудь.

После их ухода Сева спросил, будем ли мы переезжать.

У него были длинные рыжеватые волосы, перехваченные резинкой. В прошлом месяце он снял комнату ближе к мастерской и с гордостью показывал мне новый ключ.

— Я пока не знаю.

— А столы? Там шесть штук заказных.

— Заказы закончим.

Я сказала это слишком громко. Он опустил голову. Лида подошла и забрала у меня чашку, которую я так и держала пустой.

— Пойдем в подсобку.

Я рассказала им почти все. Угрожающие слова произнести не смогла, показала экран. Сева прочитал, сглотнул. Лида достала сигареты, хотя бросила два года назад.

— Если помещение продам, зарплаты выплачу в первую очередь.

— Ты что несешь? — спросила Лида.

И я заплакала. Оттого, что она сказала это сердито, своим обычным голосом. Без жалости. Она посадила меня на табурет, а Сева ушел и вернулся с рулоном бумажных полотенец: салфеток у нас не было.

Минут через десять зазвонил телефон.

«Хорошо, что понимаешь. Воронцов ждать не любит».

Я перечитала сообщение. Продажу я обсуждала только с Денисом, Корнеевым, Кругловой и Ниной. Но я была так напугана, что в любом окне чудился наблюдатель. Спросить себя, откуда им известны мои разговоры, я тогда не сумела.

Я переслала текст следователю. Потом набрала имя в поиске.

Артем Воронцов. «Северная линия». Открытие терминала. Благотворительный аукцион. На фотографиях — мужчина с коротко остриженными волосами, в темном костюме, без улыбки. В одной старой статье рядом с фамилией стояло слово «группировка».

Я открыла снимок крупнее. Лицо было обыкновенное. Уставший рот, складка между бровями. Почему-то я ждала, что по нему сразу будет видно, на что он способен.

На звонок ответил женский голос.

— Приемная.

Я назвала себя и попросила соединить с Артемом Викторовичем.

— По какому вопросу?

За стеклянной дверью Сева снимал с верстака тяжелую заготовку. Лида подставила плечо. Они работали тише обычного.

— По поводу Ильи Лазарева, — сказала я. — Передайте, что его жена хочет обсудить восемь миллионов.

Девушка попросила подождать.

Я сжимала отцовскую линейку, пока край не оставил на ладони красную полосу.

Перед закрытием Сева подошел с листом бумаги. На нем были размеры будущего секретера, несколько вариантов ручек.

— Можно станок в воскресенье включить? Я хотел для конкурса начать. Если он тут еще будет.

Последняя фраза прозвучала торопливо. Он отвел глаза.

— Будет, — ответила я. — В это воскресенье точно.

Он кивнул и уже собрался уйти, когда я попросила показать эскиз. Верхняя секция была слишком тяжелой. Мы минут пять спорили о пропорциях. Он доказывал, что на рисунке угол неудачный, я дала ему чистый лист и велела нарисовать с другого.

Говорила привычно, почти сердито. Сева улыбнулся. Только потом я поняла: он принес мне чертеж не вовремя и все же подарил пять минут, в которых я была собой.

Ключ в замке повернулся плохо. Отсырела дверь. Я хотела оставить это следующему владельцу, потом взяла инструмент и подтянула петлю. Иначе утром Лида опять обдерет костяшки.

Глава 4

Обратный звонок поступил вечером. Мужчина представился Павлом и предложил приехать в офис на следующий день, к одиннадцати.

— Он там? — спросила я.

— Артем Викторович будет.

— Мой муж. Он у вас?

Павел помолчал.

— На этот вопрос я ответить не могу.

Я записала адрес на обороте накладной. До встречи оставалось четырнадцать часов. Срок, который мне дали, истекал в воскресенье ночью.

Круглова выслушала меня без удовольствия.

— Самостоятельно туда не ходите. Я должна проверить, кто вам позвонил.

— Это их офис. Телефон с официального сайта.

— Вера, дело не только в телефоне. Вы собираетесь встретиться с человеком, которого прямо называют вымогателем. Мне нужно время.

— А у меня его сколько?

В трубке на секунду стало тихо. Потом она попросила переслать номер, ничего больше никому не обещать и дожждаться ее звонка утром.

Нина сварила картошку. Мы ели прямо из кастрюли, сидя на полу у дивана. Она нашла у меня рыбий жир и велела выбросить банку: срок годности истек два года назад. Я вдруг рассмеялась. Смех кончился, едва начавшись.

— Он утром серьгу мне застегнул, — сказала я.

— Я знаю.

— Я уже рассказывала?

— Да.

Нина протянула мне ломоть хлеба. На ее большом пальце была трещина от антисептика. Мы познакомились в студенческом общежитии: она училась в медицинском училище, я — в художественном. Я всегда думала, что мы разные: она быстро сходилась с людьми и легко уходила, я долго привязывалась и держалась до последнего.

— Если он вернется, я больше ни слова про деньги не скажу.

— Сегодня ничего себе не обещай.

— Я же его за деньги пилила.

Нина положила ложку.

— Вера. Ты имеешь право спрашивать мужа, куда он дел шестьсот тысяч. Даже если с ним случилось несчастье.

Я встала, понесла тарелки в кухню. Слышать это было почти физически больно. Будто Нина предлагала мне оставить его там еще на одну ночь ради собственного достоинства.

Нина проверила телефон. Начальница просила уточнить, выйдет ли она в понедельник.

— Тебе надо на работу, — сказала я.

— Выйду. Не сегодня же понедельник.

— Я могу одна.

Она прислонилась к раковине.

— Ты сейчас хочешь остаться одна или беспокоишься, что я из-за тебя не туда поехала?

Я не ответила. Нина вымыла ложку, поставила сушиться.

— Я иногда буду уходить. Иногда буду спать. Это не означает, что ты мне надоела. Давай сразу договоримся.

Я кивнула. Почему-то от этих слов стало спокойнее. Слишком большие обещания я уже не могла удерживать в голове.

Нина переделалась в мою старую футболку. На рукаве была дырка. После одного из экзаменов мы разрисовали эту футболку акрилом прямо в общежитии. Обе тогда еще думали, что уедем работать к морю. Она спросила, почему я ее не выбросила.

— Нормальная же, — ответила я.

Нина просунула палец в дырку, показала мне. Я пожала плечами. Она засмеялась, потом уткнулась лицом в полотенце. Я поняла, что она плачет.

Подошла, обняла ее со спины. Мы стояли у раковины, две взрослые женщины, которым очень хотелось на минуту вернуться в комнату общежития, где самой большой бедой была испорченная футболка.

Ночью приснился отец. Не мудрый, каким он стал после смерти в моих воспоминаниях, а сердитый: я перепутала банки с морилкой. Он спрашивал, зачем я полезла, если не знала. Проснувшись с мокрой шеей и первым делом проверила телефон.

Новое сообщение: «До понедельника дадим. Покупатель должен успеть. Дальше без разговоров».

Я прочитала его Нине.

— Они знают про Корнеева? — спросила она.

— Наверное, следят.

— Или он им сказал.

Я набрала Дениса. Он ответил с третьего раза, сонный и раздраженный. Выслушал, выругался.

— Я никому, Вер. Зачем мне? И Корнееву про выкуп не говорил. Просто срочная продажа.

Я поверила. Хотелось хотя бы одному человеку поверить без проверки.

Утром Круглова позвонила сама. Встреча действительно назначена в действующем офисе, в рабочее время. Она изложила порядок связи, попросила не оставлять телефон и документы, не садиться в чужую машину. Я записывала, краснея от того, что еще час назад собиралась тайком ехать туда одна.

Нина взяла выходной и повезла меня. Возле здания «Северной линии» были кофейня, шиномонтаж и магазин спецодежды. Люди входили с бумажными стаканами, курили под навесом. Мне казалось, место, в котором держат Илью, должно находиться за городом, среди глухих заборов. Здесь продавали слойки с яблоком.

На входе попросили назвать фамилию. Документы только посмотрели, не забрали. Павел встретил у лифта. Молодой, очень аккуратный, с тонким шрамом у уха.

— Пройдемте.

Я остановилась.

— Мне сказали не отдавать телефон.

Он посмотрел на мои руки.

— Я и не прошу.

В кабинете у окна стоял мужчина с фотографий. Без пиджака, в серой рубашке. Он закрыл папку, дождался, пока Павел выйдет, и указал на стул.

Я не села.

— Сначала скажите, он жив?

Глава 5

— О ком вы спрашиваете?

— Вы знаете.

Артем Воронцов не подошел. Остался за столом, и я была ему за это благодарна: рядом с дверью чувствовала себя чуть увереннее.

— Мне сообщили, вы хотите обсудить Лазарева и восемь миллионов. Расскажите.

Я открыла фотографию. Пока шла к столу, экран погас. Пришлось разблокировать телефон. Палец соскальзывал, и Воронцов все это время ждал, не пытаясь помочь.

— Вот. Вы написали, что до понедельника.

Он взял телефон только после моего кивка. Рассматривал снимок долго, затем пролистал сообщения.

— Мы вашего мужа не похищали.

Я смотрела на него. Не понимала, как следует отвечать на такую фразу.

— Тогда кто?

— Пока не знаю.

— Там ваша фамилия.

— Вижу.

— Если мало денег, я найду остальное. Помещение стоит дороже, мне просто нужно время.

Он поднял глаза.

— Какое помещение?

— Мастерская. Я продаю. За восемь. Больше у меня ничего нет.

Мне вдруг стало невыносимо, что он сидит. Я стояла перед ним со всеми своими деньгами, отцовским наследством, жизнью мужа, а он мог откинуться на спинку кресла. Хотелось схватить его за рукав и заставить встать.

— Послушайте меня внимательно, — сказал он. — Я этих сообщений не писал. Никто из моих людей выкупа у вас не требует.

— Ваши люди могут вам не все говорить.

— Могут, — согласился он.

От этого простого признания я запуталась еще сильнее.

Воронцов положил телефон на край стола, ближе ко мне. Снова открыл фотографию.

— Когда получен снимок?

— В ночь на пятницу.

Он увеличил край кадра. За спиной Ильи виднелась серая панель с желтой полосой и обрывком надписи.

— Похоже на старое помещение подрядчика. У нас там принимали машины. Но по одной фотографии я вам ничего не скажу.

Я снова почувствовала пол под ногами. Помещение существовало. Его можно было найти.

— Поедем туда.

— Нет.

— Я сама поеду. Дайте адрес.

Воронцов нажал кнопку на столе. Я отступила к двери раньше, чем успела подумать. Он заметил движение и убрал руку.

— Павел, зайди с ноутбуком.

Вошедший помощник увидел меня у стены, посмотрел на начальника. Тот велел установить, когда и кому передавали площадку на Южной промзоне. Назвал номер бокса.

Мне захотелось сесть. Я выбрала стул поближе к двери.

— Могу я получить копии сообщений? — спросил Воронцов.

— Полиция уже получила.

Павел перестал печатать. Я посмотрела на него, потом на Воронцова. Тот кивнул.

— Правильно.

Я не ожидала этого слова и начала плакать. Тихо, почти беззвучно. Слезы падали на куртку, и я сердилась на себя, потому что нужно было спрашивать, торговаться, что-то делать.

На стол рядом со мной поставили коробку салфеток. Воронцов отошел к окну, Павел вышел. Несколько минут мне дали побыть без чужого взгляда.

— Я не знаю, что с вашим мужем, — сказал Артем, когда я смогла поднять голову. — Узнаю про помещение, свяжусь. Можете передать этот номер своему следователю.

Он протянул визитку. На обороте от руки написал телефон.

— Вы понимаете, что я на все согласна? — спросила я. — Мне нужно, чтобы он вернулся. Скажите цену.

Воронцов посмотрел прямо на меня.

— Вера, уберите это из разговора. Я понял вас с первого раза.

На улице Нина ждала у машины. Увидела меня, бросила недопитый кофе в урну.

— Что?

Я показала визитку.

— Говорит, его у них нет.

— Ты веришь?

Я обернулась. Окна на третьем этаже отражали низкое октябрьское небо.

— Я больше не знаю, как это делают.

Глава 6

После встречи два часа ничего не происходило. Я сидела у Нины на кухне, смотрела на телефон и ожидала наказания за свой визит.

Нина стирала белье. Она жила одна и все время делала что-нибудь привычное: развешивала наволочки, чистила слив, перекладывала крупу в банку. Я поняла, что это ради меня, когда она принялась мыть уже чистую плиту.

— Сядь, — попросила я.

Она послушно села. Через минуту снова встала.

Я позвонила Кругловой и пересказала разговор. Та уточнила, не обещал ли Воронцов опустить мужа при каких-либо условиях.

— Он вообще ничего не обещал.

— Это тоже информация. Сейчас проверяем помещение.

К вечеру от неизвестного номера пришел вопрос: «Документы готовишь?»

Я ответила, как договорилась со следователем: «Покупатель ждет юриста. Хочу поговорить с мужем».

«Завтра».

В этом слове было столько власти надо мной, что я положила телефон экраном вниз. Через несколько секунд перевернула обратно.

Дома я открыла Ильину тумбочку. Там были наушники, мелочь, гарантия на электробриту. Нашла театральные билеты за апрель. Тогда он сам выбрал спектакль и всю вторую часть держал мою ладонь в своей. Я помнила тяжелое запястье на подлокотнике, теплый палец на косточке.

Потом достала из шкафа запасное постельное белье. Делать это было незачем, но нужно было чем-то занять руки. В пододеяльнике лежал конверт. Внутри — копии моих документов на мастерскую, выписка, несколько листов с планом помещения.

Илья брал их весной: обещал узнать, нельзя ли снизить налог. Ничего особенного. Я даже обрадовалась, что не придется искать оригиналы для юриста.

Весенний разговор я помнила отчетливо. Мы сидели здесь же, на полу, разбирали старые папки после протечки у соседей. Илья находил квитанции, разглаживал их на колене и сердился, что я храню ненужное, а нужное ищу полдня.

— Давай я сделаю нормально, — предложил он. — По файлам, по годам. Ты в этом все равно не любишь копаться.

Я согласилась с облегчением. У него получались таблицы, у меня — работа руками. Разделить дела казалось естественным. Он даже подписал для меня папки крупным маркером, чтобы я без очков находила нужное.

Рядом с бельем стояли те самые папки. Я смотрела на его почерк: «Помещение», «Банк», «Страховка». В слове «помещение» он пропустил букву, потом втиснул ее сверху. Маленькая смешная ошибка, которую я собиралась показать ему, когда вернется.

Я достала оригиналы и положила отдельно. Телефон лежал рядом, на ковре. Страшно было на несколько секунд выпускать его из виду, а еще страшнее — понять, что я вполне способна заняться бумагами, пока муж неизвестно где.

Я несколько раз ловила себя на этом: делаю что-то полезное и стыжусь, что получилось сосредоточиться. Будто любовь можно измерить количеством минут, в которые не отвлекаешься от чужого несчастья.

Между листами лежала распечатка нашей рабочей переписки с заказчиком. Письмо, в котором я объясняла крупную предоплату. Зачем оно понадобилось Илье, я не поняла.

В половине десятого позвонил Артем.

— Вы дома?

Я застыла с конвертом в руке.

— Почему вы спрашиваете?

— Хочу понять, удобно ли говорить.

— Да.

Он сообщил, что бокс на фотографии принадлежит компании «Рейс». Илья работал там финансовым управляющим. Еще летом часть машин перевели на другую базу, старые помещения продолжали использовать под хранение.

— Там кто-нибудь был?

— Сегодня пусто. Сведения переданы Кругловой. Дальше она разберется в рамках дела.

— Но его могли вывезти.

— Могли.

— А вы можете не соглашаться со всем подряд?

Я услышала свое дыхание. В трубке он молчал, и я приготовилась извиняться.

— Могу, — ответил он наконец. — Ваш муж оформил несколько переводов с нарушением внутреннего порядка. Люди, чьи это деньги, спрашивали с него. По нашим сведениям, до четверга он был на связи.

— Вы ему угрожали?

— Я с ним не встречался. Борис Климов, мой партнер, требовал отчета. Разговор у них был неприятный.

— Насколько?

— Это придется выяснять.

Я положила конверт на стол и села на пол возле шкафа. Мне представились люди, которые сидят за столом и спокойно обсуждают, насколько неприятно они разговаривали с моим мужем.

— Вы понимаете, что я даже не знаю, во что он одет сейчас?

Артем ответил не сразу.

— Понимаю, что вы не знаете.

В его голосе не было обещания. Я прижала телефон к уху крепче.

— Мне завтра дадут с ним поговорить.

— Сообщите следователю до звонка. И спросите что-нибудь, что важно вам. Не ограничивайтесь тем, что от вас требуют.

После разговора я долго сидела у шкафа. Потом написала на листке: «Ты ел? Где болит? Какие лекарства нужны?»

Посмотрела на вопросы и поняла, что все равно буду спрашивать именно это.

Глава 7

Илья позвонил в воскресенье в шесть сорок утра.

Я ответила прежде, чем окончательно проснулась. С вечера положила телефон на подушку, и теперь на щеке остался прямоугольный след.

— Верунь.

Я закрыла глаза. Одного слова хватило, чтобы вернулись все семь лет: его ноги под одеялом, мокрая щетка в стакане, голос из ванной.

— Илья. Ты где? Ты живой?

Он странно усмехнулся.

— Живой пока. Слушай, у меня мало времени.

— Тебя били? На фотографии кровь. У тебя губа...

— Ничего. Ты деньги собираешь?

— Да. Денис нашел покупателя.

— Хорошо. С Денисом делай, он знает. Бумаги у тебя все?

Я потянулась за листком с вопросами и не нашла его. Подушка съехала на пол.

— Ты ел? У тебя таблетки есть? Я могу передать.

— Вер, какие таблетки. Помещение. Ты согласна продавать?

— Конечно. Все продам. Только скажи им, документы в выходные не сделать. Им же нужны деньги, правильно? Они подождут?

— Если не будешь тянуть. И никуда больше не ходи. Хуже делаешь.

Я села.

— Ты знаешь, что я ходила?

Короткая пауза.

— Они знают. Мне сказали.

— Илюш, пожалуйста, ты только держись. Я...

— В понедельник Денису позвони с утра. Не проспй. Все, давай.

— Я люблю тебя.

В трубке щелкнуло.

Я еще немного сидела, держа телефон у уха. Потом позвонила Кругловой. Пересказала разговор, стараясь не упустить ни слова. Она спросила, мог ли рядом кто-то стоять, слышала ли я посторонний голос.

— Нет. Но он все время торопился.

— Точное время звонка сохранилось?

Я продиктовала. После разговора пошла умыться и увидела в зеркале, что улыбаюсь. Он живой. Говорил со мной. За это «пока» я старалась не цепляться.

Денис ответил бодро, будто тоже ждал утра.

— Ну вот, видишь! Значит, все решим. Завтра в девять Корнеев будет готов.

— Мне нужен юрист.

— Приглашай. Только чтобы без недельной экспертизы каждой запятой.

Нина приехала к восьми, привезла чистую кофту и свои лекарства от головы. Села у стола, положила перед собой маленькую таблетку.

— Он хоть объяснил, откуда долги?

— Ему некогда было.

— Я слышала, что некогда.

Она потеряла виски. Я вдруг поняла, что ей уже надоело ждать рядом со мной, и обиделась. На нее, на кофту, на то, что у нее обычная головная боль, а у меня...

— Не надо на него так смотреть, — сказала я.

— Я его не вижу, Вер.

— Ты понимаешь, о чем я.

Нина отодвинула стакан.

— Я вижу, как тебе плохо. И не понимаю, почему он до сих пор не сказал, что случилось.

Даже двумя словами.

— Потому что его там убить могут!

Я закричала, сама испугалась громкости. Нина вздрогнула. Подняла на меня глаза, бледная, с припухшими веками. Я хотела немедленно извиниться и не могла: тогда пришлось бы признать, что злюсь не на того человека.

Она встала, надела куртку.

— Я схожу за хлебом.

На хлебнице лежала почти целая буханка. Мы обе ее видели. Нина вышла. Я осталась на кухне и вытерла стол, потом еще раз. Через пятнадцать минут написала: «Прости. Возьми себе что-нибудь сладкое».

Она прислала фотографию пакетика с пончиками: «Уже».

Вернулась, откусила пончик, второй протянула мне. Мы ели молча, сахарная пудра падала на свежевывтертый стол. Перед уходом я сказала, что она может не ехать со мной к юристу, если устанет. Она кивнула: «Знаю». На этот раз я поверила, что ее присутствие не нужно оплачивать безупречным поведением.

Нина нашла Марину Юрьевну Белову через свою старшую сестру. Та согласилась встретиться вечером в кофейне возле дома. Я пришла с конвертом, рассказала историю. Марина слушала, изредка задавая короткие вопросы, и почти не касалась кофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.